

ГЛАВА 21. КОГДА СТОЛКНОВЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПРИВОДИТ К БЕДЕ

— Почему?.. — дрожащим, севшим голосом спросил Те Сюань.

Ветер этой ночью был сильным и холодным. Поговаривали, что погода вот-вот переменится.

Цинь Вань, будто и не слыша вопроса, сосредоточенно поправлял рукава. Но стоило Те Сюаню вновь спросить «почему», он почти мгновенно рассмеялся:

— Кстати, я ведь так и не сказал тебе... Тысячерукого Будду тоже убил я.

Те Сюань почувствовал, как грудь сдавила разрывающая боль; каждый вдох давался с трудом.

— Ты...

— Ах да! — Цинь Вань словно что-то вспомнил. Он заложил руки за спину и слегка подался вперед, заглядывая в лицо спутнику. — Лянь Цинъюня тоже прикончил я. Ха-ха... Что, неужели страшно?

Те Сюаня действительно пробрал ледяной озноб. Как мог Цинь Вань так легко и непринужденно обрывать жизни, сохраняя при этом вид полной невинности? Неужели по ночам, в кошмарах, к нему никогда не приходили те, кого он сгубил?

Глядя на мертвенную бледность Те Сюаня, Цинь Вань испытывал странное, ни с чем не сравнимое упоение. Он так долго сдерживался, так долго таился — это было совершенно не в его характере. Теперь же, видя полное отчаяние друга, он ощущал восторг разрушения. Это не было связано с успехом дела; просто на душе стало удивительно легко, и каждое движение отзывалось восторженной дрожью во всем теле.

— Цинь Вань... — Те Сюань едва шевелил побелевшими губами.

Тот довольно сощурился и расплылся в улыбке:

— Говори, я слушаю!

— Неужели ты... никогда не считал меня своим братом?.. — этот вопрос, полный безнадежной надежды, лишь раззадорил Цинь Ваня.

— Нет! — жестокие слова сорвались с его изящных губ. — Никогда.

Цинь Вань запрокинул голову и разразился смехом. Внезапно он резко подался вперед,

вцепился Те Сюаню в горло и вновь приблизил свое лицо к его лицу:

— Братец, я ведь знаю, ты ради меня и душу бы вынул. Так сделай милость: открой мне секрет Семицветного клинка, и я позволю тебе уйти. Идет?

Те Сюань оцепенело смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Он-то, в своем ослеплении, верил, что они названные братья. На деле же он совершенно не знал Цинь Ваня, а тот и в грош не ставил его чувства.

— Не хочешь говорить? — Цинь Вань стоял так близко, что Те Сюань кожей чувствовал его дыхание.

Даже в такой ситуации сердце предательски затрепетало, и Те Сюань, проклиная себя за эту слабость, из последних сил старался сохранить на лице безразличие.

— Послушай, тебя зовут Те Сюань... Интересно, не знаком ли ты с неким Те Гоу? — Цинь Вань злобно усмехнулся. Тихий, вкрадчивый шепот мгновенно приковал к себе все внимание противника.

Те Сюань пораженно уставился на него. Он хотел спросить, жив ли Те Гоу, где он сейчас, но лишь тщетно беззвучно разевал рот: Цинь Вань сжимал горло слишком крепко, перекрывая доступ к воздуху.

Цинь Вань слегка нахмурился, словно в раздумье, а затем чуть ослабил хватку и проговорил мягко, почти ласково:

— Прости, братец, рука сорвалась. Так-то тебе поудобнее будет?

Те Сюань закашлялся и, тяжело дыша, выдавил:

— Где Те Гоу?.. Где он сейчас?

Цинь Вань рассмеялся и придвинулся почти вплотную. Те Сюань почувствовал, как жар его дыхания обжег лицо, отчего по щекам против воли разлился пунцовый румянец.

— Полагаю, он мертв, — небрежно бросил Цинь Вань, продолжая сжимать и отпускать шею жертвы, словно кот, играющий с мышью. Было неясно, решил ли он прикончить его на месте или просто забавляется. — В тот день он имел наглость заявить, что я красив. Это меня разозлило, и я отдал его на растерзание адептам Учения Тай-и...

У Те Сюаня волосы на затылке зашевелились от ужаса. Он и раньше догадывался, что с Те Гоу стряслась беда, но такое хладнокровное признание лишило его последних сил.

— Вижу, ты не совсем понимаешь, о чем я, — Цинь Вань оставался подчеркнуто равнодушным, хотя в груди Те Сюаня сердце завязалось тугим узлом. — Тебе достаточно знать одно: умирал он долго и мучительно...

— Цинь Вань... Единственное, в чем я виноват в этой жизни — это в том, что не разглядел твое гнилое нутро. Я ведь и впрямь считал тебя... братом... — Те Сюань внезапно рванулся. Несмотря на то, что его поясница ныла от неудобного положения, а рука врага железной хваткой впилась в кадык, он нашел в себе силы выкрикнуть в лицо предателю: — Ты просто ничтожество!..

Цинь Вань прищурился и прошипел:

— Братец, если ты сейчас же не раскроешь секрет, мне придется испытать на тебе такие муки, перед которыми померкнет даже то, что вытерпел Те Гоу...

— Цинь Вань! — взревел Те Сюань.

В тот же миг поток внутренней силы в его меридианах внезапно расширился и с бешеной скоростью устремился по каналам, наполняя руки невероятной мощью. Подчиняясь инстинкту, он резко рванулся в сторону и — о чудо! — сумел вырваться из хватки Цинь Ваня. Пошатываясь, он отступил на несколько шагов, пока не уперся спиной в холодный борт корабля.

Обращение «братец» из уст этого человека звучало как злейшая насмешка. Те Сюань едва не лишился рассудка от ярости. Он доверился ему всей душой, верил ему безраздельно, а тот лишь помыкал им. Все его сладкие речи оказались насквозь пропитанной ложью паутиной.

Цинь Вань лишь развел руками, всем своим видом показывая, что ему плевать:

— Что, жаждешь мести? Ну так иди и возьми ее...

— Цинь Вань... За что ты так со мной?.. — Те Сюань чувствовал, как земля уходит из-под ног. Никогда прежде он не ощущал такого отчаяния — даже когда узнал о смерти мастера Те, ему не было так горько.

На лице Цинь Ваня проступило явное отвращение:

— Всё еще не хочешь говорить? Мы знакомы достаточно долго, ты должен знать — терпение у меня короткое...

Если до этого слова и поступки Цинь Ваня лишь ранили Те Сюаня, то теперь они окончательно добились его, пронзив израненное сердце насквозь.

— Я ничего не знаю... — Те Сюань чувствовал себя жалким и беспомощным; слезы, которые он не мог сдержать, обожгли глаза. Даже сейчас он все еще любил Цинь Ваня, все еще пытался убедить себя, что все эти злодеяния — лишь дурной сон, но правда была слишком очевидной. Как он мог это принять?

Цинь Вань закрыл глаза и, вздохнув, слегка задрал подбородок:

— Те Сюань, я ведь о тебе же пекусь. Неужели ты не понимаешь? Изначально Глава хотел лишь вывести тайну сокровищ. Это твой мастер сам напросился на неприятности, и из-за его упрямства вся ваша деревня была стерта с лица земли...

Те Сюань чувствовал, что Цинь Вань лжет, но не находил слов, чтобы возразить, и лишь отчаянно качал головой:

— Нет, все было не так.

— Изначально мне нужно было лишь присматривать за тобой, пока не явится Глава, — Цинь Вань открыл глаза. Прежняя ярость исчезла, сменившись притворным участием. Он обвел рукой палубу, медленно приближаясь к Те Сюаню. — Но теперь все запуталось. Посмотри на них: эти «доблестные герои» из именитых школ на каждом углу кричат, что богатство — лишь тлен, а сами, прознав о тебе, слетелись сюда как стервятники. Мир боевых искусств жесток, Те Сюань. И тот, кто знает слишком много, умирает первым...

Те Сюань внезапно успокоился. Гнев и горе никуда не делись, но на смену им пришло странное хладнокровие. Он даже криво усмехнулся:

— И что же, по-твоему, мне делать?

Цинь Вань слегка улынулся, уверенный в своей победе:

— Я знаю, что карта сокровищ у тебя. Отдай мне карту и открой секрет Семицветного клинка. Взамен я не только сохраню тебе жизнь, но и замолвлю за тебя словечко перед Главой...

— И ради этого ты меня травил? — голос Те Сюаня приобрел странный оттенок.

Но Цинь Вань этого не заметил. Он продолжал упиваться собственным мнимым благородством и даже подошел вплотную, по-дружески положив руку Те Сюаню на плечо:

— Конечно, это был я. И это тоже ради твоего же блага! Если бы ты стал дурачком, то...

Цинь Вань внезапно осекся. По телу, прямо в районе сердца, разлился леденящий холод — точь-в-точь как недавно у Цянь Линя. Он хотел сказать: «Если бы ты лишился рассудка, тебя

бы не убили... если не принимать порошок слишком долго, мозг бы не пострадал...»

Те Сюань, словно от удара током, отдернул руку и в ужасе отпрянул назад.

Цинь Вань опустил взгляд на ладонный клинок, вонзенный ему в грудь, и горько, почти самоиронично усмехнулся. Этот нож подарил Те Сюаню он сам. Он же только что метнул его в друга, и теперь тот вернул подарок, вогнав сталь ему в плоть. Поистине, возмездие существует. Но за все те злодеяния, что он совершил, такая смерть не кажется ли слишком легкой? Впрочем, он ни о чем не жалел. Разве стоит жить, если тебе не суждено возвыситься над толпой и прожить жизнь ярко, в самом центре бури? Нет-нет, он все же пожалел... Пожалел, что выбрал неверный подход. Даже у такого простака, как Те Сюань, есть предел терпению. Стоило и дальше действовать лестью и обманом, зачем он сорвался на угрозы в этот раз?..

Те Сюань, бог весть о чем думая, внезапно снова подбежал к Цинь Ваню. Одной рукой он подхватил его за плечо, а другую, дрожащую, протянул к рукояти клинка.

Цинь Вань в очередной раз удивился собственной беспечности. Почему он до последнего не ждал удара? Потому ли, что в глубине души верил: Те Сюань никогда не поднимет на него руку? Или потому, что сам, не признаваясь в этом даже себе, доверял ему безраздельно? Сейчас он чувствовал лишь невыносимую усталость. Даже говорить не хотелось.

«Надо же, этот болван наконец-то научился бить врага без пощады. Растет над собой», — отстраненно подумал Цинь Вань. А следом мелькнула другая мысль: «Он хочет вогнать клинок глубже, чтобы я поскорее испустил дух? Видать, и добывать раненых его жизнь научила. Что ж, молодец...»

Перед глазами у Цинь Ваня все начало расплываться, а в груди становилось всё холоднее. Значит, это и есть смерть?

Ну и пусть. В конце концов, он и сам не знал, ради чего жил. Умер — так умер.

Однако в ушах стоял назойливый всхлип, мешающий покою. Словно муха над ухом: жжж, жжж...

— Как же ты шумишь... — сквозь зубы выдавил Цинь Вань. Видит небо, каждое слово отдавалось в ране мучительной судорогой, вытягивая последние силы.

— Не умирай, Цинь Вань, я не нарочно... Я просто... просто так разозлился...

Те Сюань так и не решился вогнать клинок глубже. Вместо этого он принялся судорожно хлопать Цинь Ваня по щекам, пытаясь привести в чувство. Голос его дрожал, прерываясь рыданиями.

Цинь Вань едва не задохнулся от возмущения:

— Какой же ты всё-таки... дурак... — через силу проговорил он. — Если не хочешь, чтобы я сдох... вытащи уже этот нож...

Те Сюань в панике засуетился, но так и не решился коснуться оружия:

— Цинь Вань, я от стариков слышал... если рана в самом сердце, то стоит вытащить нож — и всё, человек сразу помрет от потери крови!

Цинь Вань едва не скончался на месте от этой глупости.

— Да почему ты такой бестолковый?.. Ты же убить меня хотел... так почему не целился лучше?.. Ты ж... в сердце не попал... мимо...

<http://bllate.org/book/17419/1658664>